

A movie poster for the film 'Мышка' (The Mouse). The image shows two young women in a close embrace on a rainy street. The woman on the left has long, wet, reddish-brown hair and is wearing a black leather jacket. She has a nose ring and is looking directly at the camera with a serious expression. The woman on the right has short, dark brown hair and is wearing a grey sweater. She is also looking directly at the camera with a serious expression. The background is a blurred city street with buildings and rain falling. The title 'Мышка' is written in large, white, serif font at the bottom. The name 'Владислава Рэйн' is written in black, serif font at the top. There is a rating '18+' in a white circle at the bottom right and a content warning 'СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ' in a black box at the bottom left.

Владислава Рэйн

МЫШКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислава Рэйн

Мышка

<https://litres.ru/74347467>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть ли смысл в сегодняшнем дне, когда каждое мгновение ощущается на коже частичками страха, а в душе пустота и безразличие? Только тоненькой стрункой отдаётся звук тревоги за своё существование. Когда тебе всего 17, а ощущаешь себя на все 60, будто уже прожил эту отравляющую жизнь, в которой тебе так и приходится карабкаться.

В моей жизни есть только она, та, которая заставляет всё ещё двигаться и открывать глаза каждое утро. Потому что понимаю, что я привношу в её жизнь такой же стимул: не бросить, не потеряться, не раствориться...

Мы с ней всегда были разными, но в главном одинаковыми: обе умели терпеть. Не героически, не гордо, а по-тихому, как умеют те, у кого выбора почти не остаётся. Она прятала слёзы за иронией, я — за делами, которые нужно закончить до темноты. И в этом немом разделении боли мы и стали подругами.

P.S. История про жизнь двух девушек, которым пришлось брать жизнь в свои руки слишком рано, а, в дальнейшем, стать единственными опорами друг для друга.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Николь	6
Глава 2. Адель	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владислава Рэйн

Мышка

Пролог

Город просыпался неохотно, будто каждое утро давалось ему с трудом. Серый свет ложился на обшарпанные стены, на мокрые тротуары, на лица прохожих, привыкших не смотреть друг другу в глаза. В такой день особенно ясно чувствуешь: жизнь не обязана быть справедливой.

Они познакомились не в тот момент, когда всё было легко, а когда всё уже пошло наперекосяк. У одной в кармане лежала записка с адресом, где можно переночевать, у другой — только злость и пустота, которую нечем было заполнить. И всё же они сразу поняли друг в друге что-то родное: ту самую способность держаться, когда держаться уже не за что.

Психологи любят говорить про границы и про то, как важно не брать на себя чужое. Но когда ты стоишь на краю, а рядом — человек, который тоже стоит на краю, границы стираются. Остаётся только одно правило: держаться. Вместе.

Позже, оглядываясь назад, они будут вспоминать не отдельные дни, а ощущения: холод в подъезде, когда казалось, что согреться уже не выйдет; тишину после ссоры, которая

была громче крика; и тот момент, когда одна просто протянула руку, а другая её взяла — и этого хватило, чтобы не упасть.

«Самое сильное чувство — не любовь и не ненависть, а невозможность бросить», — скажет одна из них спустя годы. И эта фраза станет для них чем-то вроде внутреннего закона. И, жаль, что этого никто не поймёт...

Глава 1. Николь

Снова этот день...

Запах сырости и тёмные тени на стенах от деревьев, колыхающихся на бешеном ветру. Дождь томно и слишком громко бил по карнизу за окном. В комнате зябко и, даже моментами, холодно что ли. Всё одно и то же, и вроде по своим местам: кровать посреди комнаты спинкой к стене, эти странные обои чуть сиреневого цвета с какой-то мазнёй по всему периметру, тот стул возле письменного стола, на котором вечно что-то висит из вещей, шкаф с зеркалом, отражающим меня на той самой кровати. Кто вообще придумал поставить шкаф с зеркалом перпендикулярно кровати?! Будто специально для того, чтобы я каждую ночь шарахалась от своего движения, которое видела в отражении. Вроде всё моё, а с другой стороны, такое чужое.

Негатив так и стоял плотным напряжением в воздухе, его практически потрогать можно было. Всё сливалось с погодой за окном: серость, комната, запах отцовского противного одеколona и моё паршивое состояние.

- Опять вырубилась и забыла закрыть окно... знала же ведь про дождь, - пробурчала я, когда увидела грязную лужу на подоконнике, почти такую же, как моя жизнь.

Найдя, какую-то тряпку под столом стала неспешно вытирать. В голове гул, глаза болят, будто я беспробудно бу-

хала несколько дней. В зеркале меня ждала ещё более при-
дурковатая картина: опухшее лицо, синяк на плече и колтун
из рыжих волос на затылке. Сколько себя помню этот кол-
тун никак не мог со мной распрощаться. Всё из-за того, что
я люблю спать на спине и, видимо, ворочаюсь, как собака
всю ночь. Под глазами тёмные круги, которые, уж точно, не
скрашивают мои тёмно-зелёные глаза, растянутая пижама,
с короткими штанами. И, нет, так не должно быть... про-
сто мама зажала мне очередную бытовую вещь, отнекиваясь,
мол поносишь ещё, какая разница в чём спать. Рост у меня
средний, ничем не выделялся, но этой пижаме уже лет 5, она
естественным образом стала короткой.

Кое-как расчесала волосы, решила, что надо немного за-
мазать эти круги под глазами, чтобы не было излишних во-
просов, да, и, Адель снова будет волноваться.

- Ник, ты там долго ещё? Я сейчас уеду без тебя! – крикнул
мой брат из коридора. Я просто промолчала, потому что не
хочу лишний раз завязывать с кем-либо диалог из домочад-
цев после вчерашнего.

Я продолжила свои сборы, так и не ответив, натянула чёр-
ные джинсы с бордовым худи, поправила колечко сбоку на
носу и финально глянула на свое отражение:

- Пойдёт, - сказала я вслух и махнула рукой. Взяв свою ко-
суху и рюкзак, направилась в коридор. Вышла и резко встала,
почему-то неожиданно сбилось дыхание, и я просто смотре-
ла на лестницу.

- Расслабься, отец свалил уже час назад, у него там какое-то срочное совещание, а мать я даже не видел с утра, - кинул Никита, смотря с нижнего этажа на меня.

Я, как будто, снова активировалась и смогла сдвинуться с места. Кухня была, как обычно, пуста: ни завтрака «любимым» детям, ни записок, ни, уж точно, денег. Родители никогда меня не баловали, иногда, бывало, даже не закрывали мои базовые потребности. В детстве приходилось вымаливать очередные кроссовки или денег на проезд, делать то, что приказывал отец ради какой-нибудь вкусняшки. И, нет, мы не бедствовали никогда, просто родителям так было надо, им было то ли весело, то ли всё равно. Мне ни раз говорили, что я нежеланный ребёнок, что мне нужно идти к чёрту. И, наверное, мне стоило покончить со всем ещё в детстве. Нет, не со своей жизнью... с такой жизнью. Но что может сделать запуганный ребёнок, который даже в своей комнате не чувствовал себя дома, в безопасности. Меня спасал всегда только Никита, он старше меня на семь лет. Он реально любил меня: подкидывал деньги, старался покупать мне то, что необходимо, хоть и приходилось тратить свои карманные, отказывая себе в очередной модной куртке или гулянке с друзьями. Да, ему отец давал карманные, он его любил что ли... хотя не знаю точно, но у Никиты всегда были деньги и нормальные диалоги с родителями, в отличии от меня.

- Что вчера произошло, я так и не понял? – спросил Никита, наливая две чашки кофе.

- Понятия не имею, очередной бзик мамы и психическое отклонение, - протянула я, тяжело выдыхая. Я смотрела в чашку, вглядываясь в своё отражение и ждала уточняющий вопрос, но он его не спешил задавать.

- Просто, когда я вчера вошёл, было ощущение, что отец готов тебя повесить на этой люстре, - сказал Ник, указывая на люстру над столом в гостиной, - Ты опять не угодила цветовой гаммой маминых тканей?

Она попросила меня купить немного ткани на очередное своё изделие, но я, видите ли, купила не сапфировый, а берлинскую лазурь. Да, они, ей Богу, одинаковые! Клянусь!

- Бинго! – хлопнула в ладоши я, - А ещё не могла догадаться, что она не подойдёт для пошива галстука под отцовский тёмно-серый пиджак.

-Пфф, не удивительно... - протянул он, - А отец то с чего вдруг взбесился? То, что у него не будет очередного галстука? Хотя, нет, ему пофиг на них... Ты просто, наверное, не с улыбкой выслушивала мамины претензии, я прав? – Никита с усмешкой говорил всё это, потому что такие ситуации в нашем доме – это норма. Мама вечно ковыряется в своих тканях, нитках, иголках, что-то, в общем, пытается шить и продавать на маркетплейсах, но получается у неё так себе. Она всё пытается постоянно одеть папу в своё шматьё, что ему не особо нравится. А мне даже самую плёвую пижаму сшить не может. В общем, у нас всё как обычно: мама в себе и своих каких-то грёзах, отец просто либо на работе, либо проводит

«воспитательные» практики, которые, явно запоздали.

- Ну ты же меня знаешь, я не только выслушивала это всё без улыбки, я ещё и вкинула пару колких фраз, - сказала я с ухмылкой, всё также, не встречаясь взглядом с братом. Мне не было стыдно, просто было как-то неудобно жаловаться.

Я давно не боюсь никого: ни отца, ни мать, ни тем более, какой-то критики, ударов. Я привыкла, просто отключаешь весь «думательный» и чувственный механизм в себе и всё. Раньше я пряталась по углам, шкафам в доме, надеясь, что никто меня до ночи не найдёт, а сейчас мне не страшно, сейчас это всё раздражительно: в груди больше не ноет, взгляд пустеет. Я как сломанный комод в этом доме: никому не нужен, лишь иногда с него пыль протирают, да скидывают всё то, что не нужно видеть в поле зрения.

Мы с Никитой просидели так ещё минут десять: с чашками кофе, в тишине, прислушиваясь к звукам за стеной. У нас был свой дом, не квартира, просто этот дом был на двух хозяев: две идентичные части дома, разделённые одной несущей стеной, за которой жила другая семья, если её можно так назвать. Там было всегда шумно, какие-то крики, громкие глухие стуки. Наши родители с ними дружили, у них были даже схожи темпераменты, мы часто виделись: совместные ужины, поездки.

- Снова твоя орёт, - тихо сказал Никита, а я начала внимательнее прислушиваться. Адель и правда в очередной раз что-то доказывала и всхлипывала.

- Я реально когда-нибудь убью её, - стиснув зубы сказала я про её мать.

- Хочешь, я пойду постучусь к ним, скажу, что пора выходить? – предложил Никита, видя, что мои глаза наливаются кровью, и вот-вот я сама сорвусь с места на растерзание.

Я одобрительно кивнула головой. Нам и правда пора было уже выходить. Никита нас с Адель иногда возит в школу, когда его смена начинается позже.

Он встал и направился к выходу, я, схватив косуху, тоже пошла за ним, но осталась на нашем крыльце, от греха подалее... Когда-нибудь это закончиться или нет?

Глава 2. Адель

Опять бросило в жар, будто что-то взорвалось внутри.

Низкорослая хрупкая девочка сидела на краю кровати и пыталась отдышаться, но получалось с трудом. Это чувство накрывает внезапно, будто дикий зверь, дождавшийся момента, когда его жертва практически бессильна. Воздух в комнате вдруг стал густым, словно застывший сироп. Сердце Адель забилося где-то в горле, тяжёлое и яростное, как пойманный в клетку ворон, отчаянно быющий крыльями о прутья.

Время расплзлось, как чернила по промокашке: секунды растягивались в тягучие, вязкие минуты, а реальность начала крошиться по краям. Тени в углах комнаты сгустились, превратившись в тёмные силуэты, которые будто тянули к ней длинные, зыбкие пальцы. Ей казалось, что стены медленно сдвигаются, как створки гигантских тисков, сжимая пространство вокруг неё до размеров тесной, удушающей коробки.

Руки предательски дрожали, подсознание кричало, что это всё неправда, но Адель не могла трезво соображать, ей казалось, что это конец, как и всегда.

Она судорожно начала искать телефон, откидывая подушки в стороны, тело не слушалось, но это было единствен-

ным спасительным решением. Смартфон глухо упал на пол, и Адель, пытаясь его поднять упала на колени, будто кто-то ударил сзади. Номер она знала наизусть, некогда было искать в последних звонках, всё и так в глазах плыло. Один...два...три гудка. Время будто остановилось, абонент не отвечал.

-Деля! – издался срывной крик сначала за дверью. Девушка будто не слышала этот противный, по крайней мере, в данный момент голос. – Адель, ты что глухая?!

Голос разносился всё ближе, Адель схватила себя за волосы, закусывая нижнюю губу, всё ещё в ожидании голоса на том конце провода. Но дождаться ей было не суждено. В двери ворвалась мать, которая, явно, не была настроена мирным образом. Она походила на ту тёмную тень в углу комнаты, которая так и не собиралась растворяться. В данный момент хотелось просто притвориться мёртвой, исчезнуть, лишь бы хотя бы она не добивала.

Хотя...мать и была одной из причин её «ошибок 404». Адель всегда с иронией называла так свои панические атаки. На самом деле мама любила её, но по-своему, как-то криво, без особого внимания на личные предпочтения дочери. Она считала, что дочь должна быть во всём похожа на неё: мода, пилатес, фарфоровые чашечки и даже этот приторный парфюм с ароматом через чур яркой карамели и белого шоколада, который она разносила по всему гардеробу дочери, будто назло. У неё всегда была какая-то своеобразная картина мира, с нотками педантичности и своими устоями. Женщи-

на любила, когда ей по сто раз на день делают комплименты, поэтому и Адель она терроризировала этими своими сладкими штучками, чтобы лишний раз услышать: «Лена, какая у тебя дочка, ну вся в тебя!». Но помимо её какой-то, как казалось близким людям, наигранной правильности и романтичности, у неё был взрывной характер, мания величия и крайняя резкость по отношению к своим детям. Она могла практически раздавить морально, унижая всеми словами со своего словарного запаса, запирая в комнате или даже в туалете.

Кстати, был такой случай на памяти Адель. Однажды матери вдруг в голову взбрело, что её дочь жирная, хотя девушка всегда весила ниже среднего, отобрала тарелку с едой прямо при всех на кухне и заперла её в комнате, мол «разгрузочные дни». Адель тогда почти трое суток ничего не ела, что дало жёстко по психическому и физическому здоровью. А после, мама, как ни в чём не бывало, зашла, обняла, извинилась за резкость и подарила очередную сумочку, которые девушка терпеть не могла.

А отец...он вроде был, но его как будто и не было. Он никогда не был строгим или мягким, он просто был прислужником матери, не папой. Андрей Сергеевич, как его всегда называла мама, не обращал внимания ни на дочь, ни на сына, по крайней мере, именно своего внимания, не считая маминых указаний: «иди поговори с ней», «иди поругай его» и так далее. Иногда отец перебарщивал, чтобы, в очередной

раз, безрезультатно и бесполезно доказать, кто в доме хозяин и главный мужик, хотя все понимали, что это лишь для поднятия личной самооценки и призрачной барственности.

8 апреля – день, который ни Адель, ни тринадцатилетний Артём, не забудут никогда. Отец пришёл с работы, как тут же выбежала мать с очередными жалобами и поручениями. В тот вечер брат с сестрой пришли с парикмахерской, их впервые отпустили сходить туда самостоятельно. Маме в этот день взбрело в голову, что у дочери слишком высокий лоб и его срочно нужно закрыть чёлкой. Адель не очень любили перемены во внешности, но перечить матери было сравнимо с самоубийством, при чём, не самым лёгким и быстрым. Артёма отправила за компанию, подровнять виски. Тогда, ещё по дороге, брат сильно уговаривал сестру на какую-то хайповую стрижку, которую носили все пацаны в его классе, но Адель сопротивлялась, потому что прекрасно понимала, что это закончится очередным скандалом, разразившимся на весь район. В итоге, в парикмахерской, брат в тандеме с мастером, её сломили, и она решила, что нужно себе тоже что-то сделать, чтобы принять весь удар на себя. Нужно было сделать что-то такое, чтобы на Артёма даже внимания не обратили. Она взяла и покрасила множество прядей в розовый, понимая, что мама всегда была против ярких цветов, но чёлку отрезала, как было велено. В тот момент она даже представить себе не могла на сколько колоссальный будет исход, который пополнит её чемодан психологических травм.

Мать, увидев своих «обновлённых» детей, пришла в такую ярость, что кинулась на Адель и схватила её за волосы, угрожая отрезать длинные волосы прямо сейчас. Ну, в принципе, всё так и произошло, только это сделал не она, а отец. Он, без всяких церемоний, с полным безразличием на лице и пустым взглядом, схватил все волосы Адель в хвост и отрезал грубыми и тупыми ножницами выше плеч, да ещё и криво. Ей ещё несколько дней пришлось ходить так в школу, пока Николь не подровняла. Артём, тогда, обомлев от увиденного так быстро бежал в свою комнату, что споткнулся о последнюю ступеньку и упал, сильно повредив ногу. Его, кстати, тогда вообще побрили под троечку.

Сегодня маме, видимо, опять что-то гениальное взбрело в голову, раз она так кричала имя девушки. Но Адель была, как вы поняли, не в самой лучшей форме, и она, явно, не хотела попадаться на глаза матери в таком незащитном состоянии. Она всё ещё упорно пыталась дозвониться до подруги. Елена сорвалась с места и вырвала телефон из рук дочери, у неё явно не возникло желание спросить, что случилось или как-то помочь ей. У обеих была пелена перед глазами, только у Адель от нахлынувшей внезапно «ошибки 404», а у матери от взрывного приступа ярости.

- Опять Ника? У тебя на уме только подружки! – возразила мама, посмотрев на экран телефона, где светилось имя Николь.

- Ты так говоришь, как будто у меня их миллиард! От-

дай телефон, мне нужно срочно с ней поговорить! — начала кричать Адель, почти сорвавшимся голосом. Она будто выскребла остатки сил и отклик разума, чтобы возразить матери и не дать понять, что она в данный момент без брони.

- Где ты была вчера?! — выкрикнула она, проигнорировав то, что сейчас сказала дочь, и голос её сорвался на визг, режущий, как стекло по стеклу. — Соседка видела тебя у старого моста! Ты же знаешь, что туда ходить запрещено! Я тебе сто раз говорила: ни к мосту, ни к заброшкам, ни к этим твоим сомнительным компаниям!

Адель на секунду перестала цепляться за реальность. Паническая атака всё ещё держала её за горло, но теперь к удушью добавился ледяной укол вины — и не потому, что она чувствовала себя виноватой, а потому, что знала: для мамы любое оправдание будет звучать как ложь. Она просто встала и попыталась отобрать свой телефон. Но мама резко развернулась и пошла на первый этаж.

- Мы просто с Никой решили сократить дорогу, вчера был дождь, а у нас даже зонта не было! — крикнула Адель со второго этажа, уже спускаясь почти уверенно. Паническую атаку начала перекрывать злость и чувство несправедливости. Это оказался для неё новый, но, весьма, неприятный способ борьбы с «паничкой».

- Знаешь, что соседка сказала? «А я вчера вашу Адель у моста видела, такая бледная. Девочка-то у вас нервная, вы бы к врачу её сводили, мало ли что». И знаешь, что я ей от-

ветила? Ничего. Потому что мне нечего было сказать. Я стояла и чувствовала, как все эти её «а я говорила», «а надо было строже» сыплются мне на голову, как камни. Чего тебе не хватает? Ты меня только позоришь, вот и всё!

Телефон в её руке вдруг стал не оружием, а чем-то тяжёлым, ненужным. Она сжала его так, что побелели костяшки, а потом, будто сама испугавшись этой силы, резко швырнула на кухонный стол.

— Ты хоть понимаешь, что я из-за тебя не спала всю ночь?! — уже тише, но от этого не менее горько, сказала Елена. — Лежала и представляла себе всякое... А ты сидишь тут, трясёшься, в телефон свой смотришь, будто ничего не происходит!

- Да что ты там представляла?! Не спала? Ага, конечно, - с явной усмешкой сказала Адель, прекрасно понимая, что мать сейчас пытается манипулировать, включая «мамочку». — Да тебя волнует ни то, что я ходила к этому мосту, ни то, что твоя дочь шла под ливнем без зонта, а только мнение других, только то, что именно сказала соседка, задевая твою собственную гордость. Как ты меня достала со своими упрёками! Чего мне не хватает? А ты сама как думаешь? У меня что тут радуга с разноцветными пони, тишь и гладь что ли? Сколь можно? Ты просто издеваешься надо мной! Специально, да?

Тут у мамы «зашли шарики за ролики». Было видно, что её уже ничего не остановит. Её гордость, и правда, была за-

дета, хоть, это и было правдой. Женщина не выдержала и, было, уже замахнулась на дочь, как вдруг послышался уверенный и тревожный стук в дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.